

КНИГИ НАТАЛЬИ РЕЗАНОВОЙ В RUGRAM:

«ИМПЕРИЯ ЭРД-И-КАРНИОНА»:

УДАР МИЛОСЕРДИЯ
Я СТАНУ АЛИЕНОЙ
ДОРОГА ВИСЕЛЬНИКОВ
ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА
ШЕСТОЕ ДЕЙСТВИЕ
СЛЕПАЯ ПТИЦА
ТРИ ТЬМЫ

ПРИНЦЕССА

КРУГОМ ОДНИ ПРИНЦЕССЫ
НЕ БУДИТЕ СПЯЩУЮ ПРИНЦЕССУ
У ПРИНЦЕССЫ ВЕК НЕДОЛОГ

ИНОСКАЗАНЬЯ

ВОСЕМЬ ДНЕЙ ДО ВАВИЛОНА
ПРИЗРАК ДВЕНАДЦАТОЙ НОЧИ

АРАУКАНА

ИТИЛЬ-ГОРОД

БУЙ-ТУР БАЮЗ
ТРУБЫ И ФАКЕЛЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ГОТИКА

ИГРА ВРЕМЕН

НОЧЬ ПРАВДЫ
КНЯЖЕСКАЯ ВЕДЬМА
ЯВЛЕНИЕ ХОЗЯЕВ

ВНЕ ЦИКЛА

ЧУДО И ЧУДОВИЩЕ
ВЕТЕР И МЕЧ
УГОЛОВНЫЙ РОМАНС

Наталя Резанова

ПРАВКА

Москва
RUGRAM
2022

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Р34

Резанова, Н.

Р34 Араукана / Н. Резанова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 240 с. (Иносказанья).

ISBN 978-5-521-74085-7

Монголы завоевывают Западную Европу, единственными защитниками европейской цивилизации становятся арабы. Борис Годунов погибает в молодости, спасая жизнь сыну Ивана Грозного. Великий пролетарский писатель не вернулся из эмиграции, а уехал в Палестину, город Горький находится в современном Израиле. Индейские шаманы решают избавиться от конкистадоров, подчинив себе католическую веру — вот только что-то пошло не так...

Что это?

Это сборник произведений Натальи Резановой в жанре альтернативной истории, впервые собранный под одной обложкой. В книгу вошли: повесть «Араукана», рассказы из цикла «Альтернативные истории России в рассказах для детей и взрослых» и многие другие.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74085-7

© Наталья Резанова, текст, 2021
© Евгения Алёнушкина, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОРИИ РОССИИ В РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Только я лишь да царица были здесь живые лица. Остальные — сон, мечта, морок бледный, пустота.

Финал оперы «Золотой петушок»

ЗАЩИТНИКИ

*«История учит только тому, что она
никого ничему не учит».*

Аксиома

«В лето 6731... В тот же год явились народы, их никто хорошо и ясно не знает, кто они и откуда вышли, и каков язык их, и какого племени, и какова вера их; и зовут их татарами. А князья русские пошли и бились с ними, и побеждены были от них, и мало их избавилось от смерти... И когда слышали об этой беде, то были плач и печаль в Руси и по всей земле. И собрались князья, кого оставил суд Божий жить, в Вышгороде, что подле Киева, а рекли: «Гибель нам сие разделение». И порешили вручить власть единому столу над всеми столами Владимирскому, великому же князю служить со всей братской и сыновьей любовью, дав в том крестное целование. И с тех пор мир и покой по всей Русской земле и по сии дни».

«Повесть о битве на Калке».

Киево-Печерский список (около 1245 г.).

Белая струя молока становилась все тоньше и тоньше. Альфонс де Пуатье тщательно выдоил последние капли. Устало выпрямившись, он огляделся, втягивая голову в плечи, что стало для него привычкой за десять лет рабства. Руки были, как всегда после вечерней дойки, а впрочем, как и после дойки утренней. Хотя многие ханы, нойоны и темники давно уже воздавали должное лозам Рейна, Мозеля или Луары, на пирах и найрах полагалось пить кумыс, и молоко было потребно в прежних количествах.

Монгольский лагерь в долине Гвадалквивира разросся непомерно после того как подошли вспомогательные силы, и границы его терялись из вида. Вдали белели восемь священных шатров и ханские юрты. Ближе простиралось вытоптанное за несколько дней торжище, где настырные и крикливые марсельские и генуэзские купцы покупали рабов для галер — цвет кастильского и арагонского рыцарства. Если бы победители рубили им головы или расправлялись с ними иным, стольже возвышенным способом, гордые идальго достойно бы встретили смерть, но выставленные на продажу, словно бессловесный скот, они растерянно пялились на купцов, безропотно позволяя им щупать мускулы и осматривать зубы. Пленников, правда, было меньше, чем ожидалось. После поражения при Аранхуэсе немалое число кастильских рыцарей, и с ними сам король их Альфонс Десятый, отступили за Гвадалквивир, где их принял эмир гранадский Мохаммед, а остатки городских ополчений, объединившись под началом некоего Рафаила Бен Галеви из Толедо, ушли в горы Сьерра-Морены, откуда тревожили набегами монгольские арьергарды.

Рядом с торжищем красовался конный баскак, взывавший с купцов налог в ханскую казну.

Несколько в стороне толпилась кучка германских баронов, прибывших в ставку Великого Хана просить ярлык на правление своими жалкими владениями.

Подхватив тяжелую бадью, Альфонс заковылял к юртам своего хозяина Меньгу-нойона. Колодки с него уже несколько лет как сняли, но выработанная ими походка осталась. Навстречу ему шел еще один старый раб. Он направлялся к пастбищу собирать кизяк для растопки. Альфонс знал его давно, еще в бытность того епископом Арраским.

— Благослови тебя Господь, твое высочество.

Альфонс болезненно дернулся. Он не любил, когда ему напоминали прежнее положение, но у Реми из Арраса не оставалось иных утешений, кроме благословения несчастных рабов да проповедей.

— Как думаешь, мавры ударят завтра? — спросил преосвященный Реми.

— Может, завтра, — равнодушно ответил Альфонс и поставил бадью с кобыльим молоком на землю — любой предлог передохнуть был хорош, — а может, послезавтра. А может, мы по ним ударим... какая разница?

Однако Реми не согласился. Он был старше Альфонса лет на десять, ему было не меньше сорока пяти, но в нем еще вспыхивала порой юношеская живость, не убитая ни лишениями, ни возрастом.

— Но Мохаммед — великий воин. А мавры — это не жалкие тевтоны, рабы и прихлебатели татар. Подумай, завтра, уже завтра все может перемениться.

— Мавры... — пробормотал Альфонс. Воспоминание о брате колыхнулось на дне сознания и пробудило застарелую душевную боль. Бедный Людовик, пламенно благочестивый, чистый, справедливый, воистину святой! Следуя примеру отца, он неустанно искоренял в своем королевстве еретиков, ведьм, иноверцев, но это не могло утолить пыл его сердца. Грезой его жизни был крестовый поход, к нему лишь были устремлены все помыслы Луи. Господи, да все они тогда — и он сам, и юный Шарль, и все рыцари, которых он знал, и все клирики, не исключая Реми — просто бредили походом в Святую Землю, битвами... с маврами... Если бы понимали они, какого благословенного противника знавали они в течение веков, великодушного и вежественного, как мало они его ценили... Но они ничего не знали тогда, пятнадцать лет назад, когда ад вырвался на землю, не знали, что благородным воинским канонам отныне пришел конец, и уповали на сочиненную папой молитву: «De furore tartarorum libere nos, Domine».

От ужаса адского избави нас, Господи...

От ужаса татарского...

Бедный Людовик! Как он мечтал сразиться с маврами! И как он кончил...

Но это было не худшее, что могло с ним случиться.

— Мавры, — продолжал Реми, — как ни погрязли они в поклонстве Магомету и Бафомету, суть истинные рыцари и с пленни-

ками обращаются достойно. А эти дикари самых низкородных ремесленников содержат лучше нас... Или вот этот рифмоплет из Мена со своим романом...

Странно было слышать подобные речи из уст священнослужителя, хотя бы и принадлежавшего некогда к воинствующей церкви. Но тут Альфонс был с ним согласен. Тем более, что угодивший в фавор сочинитель бесконечного «Романа о Великом Хане» своим лизоблюдством вызывал презрение и одновременно зависть у пленников из самых разных сословий.

Но тут огонь в очах Реми погас, он опустил голову.

— Впрочем, что взять с жалкого писаки, когда сам наместник Святого Петра променял Константинов Дар на ханский ярлык...

Реми сник. И правда, к тому времени, когда дикие орды кочевников подошли к благословенной Италии, Инокентий Четвертый уже слишком много знал о монголах, чтобы надеяться на сочиненную им же молитву. И посему, поразмыслив, раб рабов Божьих вспомнил времена бича Божьего Аттилы и почел мудрым откупиться от пришлых варваров, проявив несвойственное ему, но подобающее случаю смирение. Альфонс припоминал слухи, бродившие среди рабов, будто наместник святого Петра даже прошел меж священных костров, не в пример какому-то итальянскому сеньору, в бессмысленной спеси отказавшемуся почтить языческий обряд и изрубленному нукерами перед самым входом в ханскую юрту. И, поступившись гордостью, Иннокентий получил то, чего жаждал более всего на свете, возможно, даже больше, чем спасения души: головы ненавистного императора Фридриха и его отродий, насаженные на копья.

Альфонс не видел расправы со злосчастными Гогенштауфенами, но подумал, что и это не самое худшее, что могло с ними случиться.

А могло...

Десять лет он гнал от себя воспоминание, которое из ночи в ночь возвращалось в его кошмары, воспоминание которое сделало из пленного рыцаря раба.

